

и Мздовоздателя, да упокоить Онъ душу почившаго со святыми, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная.

Слово, сказанное при погребеніи (4-го авг. 1901 г.) протоіеря Н. А. Буравцева.

*Блаженъ путь, въ онъже идеши
днесь душе: яко уготовася тебѣ мѣсто
упокоенія (Пров. ап. на погр.).*

Такъ восклицалъ одинъ изъ богоносныхъ мужей, достигши склона дней своихъ и бросая послѣдній прощальный взглядъ на прожитую имъ жизнь со всѣми ея тревоженіями. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, многія внѣшнія условія человѣческой жизни рѣзко измѣнились, но внутреннее ея содержаніе осталось тоже, и живо это слово до сихъ поръ, почему св. Церковь и донинѣ поетъ его при воспоминаніи объ умершихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чья жизнь течетъ всегда гладко и спокойно? Кто можетъ сказать о себѣ, что его жизнь прошла безъ всякихъ невзгодъ, непріятностей, страданій? Не наоборотъ-ли? Радости жизни—не рѣдкія ли розы среди многочисленныхъ житейскихъ терній? Не блестятъ ли удачи, только какъ рѣдкіе брилліанты? И это нужно сказать о всякомъ человѣкѣ, сколько бы онъ ни прожилъ, въ какія бы внѣшнія условія ни былъ поставленъ, какими внутренними качествами ни отличался бы. Иному жизнь какъ будто улыбается: обладаетъ хорошими средствами, пользуется почетомъ..., но тяжкій недугъ точитъ его и причиняетъ жестокія страданія; иной обладаетъ завиднымъ, какъ говорятъ, здоровьемъ, но, не имѣя ничего, терпитъ недостатки даже въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ потребностей; тотъ терзается семейнымъ неладомъ, этотъ мучится служебными неудачами, а у другого и то, и другое, и третье. И всѣ они, проживъ известное количество лѣтъ, истративши всѣ свои силы, приходятъ къ заключенію, что всѣ заботы ихъ, всѣ стремленія,—все это—суета и томленіе духа, и невольно соглашаются со словомъ Царя-Псалмопѣвца, *что блаженъ путь, въ онъже идеши днесь душе: яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.*

Нашъ дорогой почившій, по милости Божіей, пользовался днями и лѣтами многими. На немъ исполнилось слово Писанія, что Богъ приложилъ ему дни на дни, лѣта на лѣта. И если, какъ мы видѣли, и въ короткой, по времени жизни, человѣкъ испытываетъ столько скорбей, что смерть является желаннымъ концемъ, то на протяженіи почти восьмидесяти лѣтъ жизни сколько пришлось понести ему и тяжелыхъ трудовъ, и мучительныхъ заботъ, острыхъ непріятностей, о которыхъ не лѣтъ мнѣ нынѣ глаголати подробну, ибо объ этомъ могутъ больше сказать тѣ, кто ближе меня стоялъ къ нему и былъ свидѣтелемъ или даже соучастникомъ этихъ его трудовъ и заботъ, раздѣлялъ его скорби и радости. Почившій, кромѣ общечеловѣческихъ заботъ и трудовъ, имѣлъ еще и особья по долгу своего пастырскаго служенія, а это служеніе имѣетъ, какъ свои радости, такъ и свои скорби. Трудно служеніе пастырское вообще, но труднѣе и отвѣтственнѣе оно въ деревнѣ. Тамъ люди просты, сердце ихъ раскрыто, душа довѣрчива. А между тѣмъ, пас-

тырь единственный свѣточъ, которымъ они руководятся въ своей темной жизни. Достаточно одного необдуманнаго слова, неловкаго взгляда, неосторожнаго поступка со стороны пастыря, — и нанесенъ непоправимый вредъ малымъ симъ, о спасеніи которыхъ пастырь призванъ заботиться и о душахъ которыхъ онъ долженъ дать отчетъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Мысли эти ложатся тяжкимъ бременемъ на душу пастыря и къ тяжелымъ, но необходимымъ, трудамъ физическимъ прибавляются еще болѣе тяжкія и изнурительныя болѣзни— нравственныя. Въ этихъ то трудахъ и болѣзняхъ почившій былъ цѣлые полвѣка—и, какъ свидѣтельствуютъ пользовавшіеся его духовнымъ руководствомъ, служеніе его не было бесплодно,—причемъ до послѣдняго дня своего служенія пасомымъ онъ былъ добръ и безропотно несъ свой крестъ. Посему мы не впадемъ въ ошибку, если вложимъ въ уста его слова Писанія: *«Дѣло, еже далъ еси мнѣ, Господи, совершилъ»*, — по скольку это было въ моихъ силахъ, — *и нынѣ къ Тебѣ грядю»* (Іоан. XVII, 4, 13), а намъ — его приснымъ, остается утѣшать себя мыслию, что блаженъ путь, въ онъже грядетъ нынѣ душа его, ибо тамъ обрѣтетъ себѣ упокоеніе отъ тягостей земной жизни.

Но и тутъ душѣ нашей представляется причина скорби о почившемъ,—забота о загробной судьбѣ его. Правда, живъ Господь и жива будетъ душа его. Почившій былъ человѣкъ, и ничто человѣческое не было ему чуждо. Не чужды значить были и ему общечеловѣческія слабости и недостатки. Можетъ быть, и въ пастырской жизни были свойственные человѣку недочеты, которые могли укрыться отъ нашихъ глазъ, но Видящему тайная, яко явная, Богу не могли быть неизвѣстны.

Но св. Церковь, коей почившій былъ вѣрнымъ служителемъ, указываетъ намъ средства, которыми мы можемъ утѣшить себя въ разлукѣ съ почившимъ. Она съ ясностью заповѣдуетъ намъ молиться о немъ, утверждая, что много можетъ молитва наша, поспѣшествуемая приношеніемъ за душу его безкровной Жертвы.

Станемъ же молиться о немъ и выражать свою любовь къ нему не въ похвальныхъ словахъ, которыхъ онъ не можетъ нынѣ слышать, не въ вещественныхъ вѣнкахъ, немогущихъ украшать чело его, скоро имѣющее скрыться въ нѣдрахъ земли, не въ бездушномъ мраморѣ или металлѣ, но въ теплыхъ молитвахъ ко Творцу нашему, въ приношеніи за него Божественной Жертвы, и тогда будетъ покойно сердце наше, что во истину блаженъ путь, въ онъже днесь идетъ душа его и что тамъ, въ небесныхъ чертогахъ Царя небеснаго, онъ обрѣтетъ себѣ свѣтлое мѣсто упокоенія.

Свящ. Г. Добронравовъ.

Изъ села Сляднева, Рузскаго уѣзда.

Освященіе новаго храма.

(Корреспонденція).

20 іюня сего 1901 года, въ селѣ Слядневѣ происходило торжество—освященіе вновь отстроенаго ка-